

ИСТОРИЯ

Древняя Греция и Рим

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2017), 5–26
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2017), 5–26
©Автор(ы) 2017

ПРОЗВИЩА У ГРЕКОВ АРХАИЧЕСКОЙ И КЛАССИЧЕСКОЙ ЭПОХ II. У ИСТОКОВ ФЕНОМЕНА

И.Е. Суриков

*Институт всеобщей истории РАН, Москва,
isurikov@mail.ru*

Аннотация. В статье указывается, что практика присвоения личностям прозвищ имеет в античной Греции весьма древнюю традицию и восходит, судя по всему, уже к II тыс. до н.э., когда складывалась эллинская мифология. У целого ряда древнегреческих мифологических героев мы обнаруживаем прозвища (среди таковых – Геракл-Алкид, Приам-Подарк, Астианакт-Скамандрий, Александр-Парис, Кассандра-Александра). Помимо прозвищ постоянных наблюдаются и ситуативные (Одиссей-Никто в пещере циклопа). Прозвищем героя могло служить и его «отчество», патронимик.

Далее рассматриваются прозвища деятелей культуры в Греции. Отмечается, что уже имя Гомер воспринималось многими античными авторами как прозвище. Некоторые современные исследователи (например, Г. Надь) считают, что имя Гесиод – прозвище. Имена Стесихор, Платон – безусловные прозвища. Кстати, среди философов практика снабжения коллег прозвищами была особенно распространена.

Ключевые слова: Греция, архаическая и классическая эпохи, прозвища, имена, ономастика, мифология, герои, деятели культуры, философы

Данная статья является прямым продолжением предыдущей¹, подготовленной в рамках того же коллективного проекта. Если в этой последней, как видно уже из ее подзаголовка, были приведены предварительные соображения макси-

---

Суриков Игорь Евгеньевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ/РГНФ (грант 16-01-00297).

¹ Суриков 2017.

мально общего характера, то теперь мы, основываясь на этих соображениях как на методологической базе, можем уже перейти к рассмотрению конкретных сюжетов, связанных с отразившимися в источниках прозвищами знаменитых греков доэллинистического времени. Хотелось бы проанализировать данный круг вопросов максимально скрупулезно, начиная с зарождения феномена, о котором идет речь; поэтому непосредственно к политикам и государственным деятелям мы обратимся отнюдь не сразу.

Легче приходится тем исследователям, которые занимаются соответствующей проблематикой на материале греческого мира периода эллинизма. Им нет необходимости доискиваться до самых «истоков», поскольку оные лежат вне хронологических рамок их интересов. Ясно же, что эллинистическая цивилизация в целом выросла из классической греческой² и унаследовала очень многие доставшиеся от нее категории (хотя, естественно, изменила, исказила эти категории, как только возможно). Из чего выросла, в свою очередь, греческая полисная цивилизация, но об этом здесь разговор неуместен³; в реалии II тыс. до н.э. мы здесь углубляться никак не намерены. Хотя, с другой стороны, надлежит помнить, что мифология эллинов в основных чертах сложилась уже в микенское время⁴, а мы начнем именно с мифологических сюжетов.

Прозвища героев в древнегреческой мифологии. Тот факт, что индивид мог иметь наряду с официальным именем, также и неофициальное идентифицирующее имя (а это, собственно, и может служить определением прозвища), роднит древнегреческую цивилизацию с многими другими (но, кстати, не с римской, в рамках которой прозвище (когномен) быстро становилось элементом официальной номенклатуры). Осознание возможности дать той или иной личности иное, новое имя, наряду с тем, которым наградили его родители (и порой даже со временем вытесняющее это последнее), наблюдается у греков уже на мифологическом уровне. А ведь следует специально подчеркнуть, сами они отнюдь не отделяли свою мифологию от своей истории. Как справедливо заметил П. Видаль-Накэ, у эллинов легендарная традиция «воспринималась и трактовалась как историческая»⁵. В отечественном же антиковедении особенно подчеркивал единство эллинской мифолого-исторической традиции А.А. Молчанов, причем преимущественно именно на материале генеалогических источников⁶, которые, естественно, имплицитно включают в себя данные ономастики.

Итак, переходим к конкретике. Уже в дошкольном возрасте каждый из нас узнает, что величайшим и самым почитаемым из героев древнегреческой мифоло-

² Мы настаиваем на этом в: Суриков 2015а, 19–67, 319–356.

³ Укажем разве что работы, которые на сегодняшний день представляются по этой теме наиболее важными: Thomas, Conant 1999; Dickinson 2007; Hall 2014. Крайне слабы, заведомо вторичны выкладки в таких отечественных работах по данной проблематике, как: Фролов 1988; Яйленко 1990; Блаватская 2003. Более современные позиции встречаем в посмертно изданной книге: Андреев 2002 (впрочем, к работам Ю.В. Андреева есть иные претензии – он чрезмерно уж увлекался вновь ставшим модным на Западе гиперкритицизмом, понимая или не понимая, что тем самым втягивается в воронку деструктивной постмодернистской парадигмы).

⁴ Этот тезис всесторонне обосновал М. Нильссон (Nilsson 1932; 1950; см. также его итоговый труд: Nilsson 1955), и это было сделано им настолько убедительно, что с тех пор никто даже не пытался оспорить его основные тезисы.

⁵ Видаль-Накэ 2001, 228. Ср.: Starr 1962, 68.

⁶ Молчанов 2000, 80–115, 184–209. См. к вопросу также: Гиндин, Цымбурский 1996.

гии был Геракл⁷ (и, кстати, только он из героев был причтен к сонму богов⁸). Но людям более начитанным известно, что Геракл, собственно, не имя, а прозвище, от рождения же Геракл был назван Алкидом. Приведем наиболее известный источниковый пассаж по данному сюжету:

«После сражения с минийцами случилось так, что Геракл был ввергнут ревнивой Герой в безумие и кинул в огонь собственных детей, которых ему родила Мегара <...> Осудив себя за это на изгнание, он был очищен от скверны Феспием. После этого он прибыл в Дельфы и стал спрашивать у бога, где ему поселиться. Пифия впервые тогда назвала (προσηγόρευσε) Геракла его именем (прежде он назывался (προσηγορεύετο) Алкидом) и повелела ему поселиться в Тиринфе...» (Apollod. Bibl. II. 4. 12).

Здесь имеются определенные «нестыковки» с данными более ранних источников. Так, фабула трагедии Еврипида «Геракл»⁹ основана как раз на том, что пришедший в безумие герой умерщвляет своих детей от Мегары, а заодно и саму Мегару. При этом на всем протяжении драмы он именуется именно Гераклом, а не Алкидом.

Как бы то ни было, отметим, что «Геракл» считалось именно прозвищем. Причем это не какая-то поздняя традиция; нам она представляется восходящей, как минимум, к классической эпохе. Не будет, пожалуй, лишним процитировать еще одно свидетельство (Schol. Pind. Isthm. IV. 104, к словам: «Это для него у Электриных ворот¹⁰ / Мы его одноземцы, / Правим мир, / Свежие вьем венки для алтарей / И в огонь громоздим / Жертвы павшим восьмерым, закованным в медь, / Сынам от Мегары, дочери Креонта»): О детях Геракла от Мегары, по словам Лисимаха¹¹, некоторые рассказывают, что они были коварно умерщвлены не Гераклом, а некими чужеземцами; другие же говорят, что их убил царь Лик¹², а Сократ¹³ утверждает, что они были коварно умерщвлены Авгием¹⁴. Расходятся и относительно их числа. Дионисий¹⁵ в первой книге «Киклов» называет Феримаха и Деикоонта; Еврипид¹⁶ прибавляет к ним еще Аристодема; Диний¹⁷-аргивянин¹⁸ перечисляет Феримаха, Креонтиада, Деикоонта и Деиона. Ферекид¹⁹ же во второй книге – Антимаха, Климена, Глена, Феримаха и Креонтиада; он говорит, что они

⁷ О нем и его культе см. хотя бы: Boardman 1975; Haubold 2005; Papadopoulou 2005; Padgett 2014; Saloweу 2015. О позднейшей рецепции этого образа см.: Connolly 2003; Riley 2004; Roymans 2009; Goff 2016.

⁸ Stafford 2010.

⁹ О которой см.: Gregory 1977; Papadopoulou 2005; Wyles 2013.

¹⁰ Находились в Фивах. Как известно, Геракл, согласно преданию, родился именно в этом городе, хотя и принадлежал к микенско-аргосской царской династии.

¹¹ Лисимах – историк эпохи раннего эллинизма.

¹² Фиванский аристократ, захвативший власть в городе в отсутствие Геракла и за это убитый последним.

¹³ Видимо, Сократ Аргосский или Сократ Родосский (оба этих малоизвестных историка писали в I в. до н.э.).

¹⁴ Авгий, известный царь Элиды, появляется в этом сюжете явно ошибочно.

¹⁵ Дионисий Самосский, эллинистический автор.

¹⁶ Речь идет о его трагедии «Геракл».

¹⁷ Исправление издателей вместо неверного «Эней» рукописи.

¹⁸ Автор III в. до н.э.

¹⁹ Крупный афинский историк первой половины VI в. до н.э.

были брошены отцом в огонь. А Батон²⁰ во 2-й книге «Аттических историй» перечисляет Полидора, Аникета, Мекистофона, Патрокла, Токсоклита, Менебронта и Херсибия. Геродор же утверждает, что Геракл даже дважды впадал в безумие. А очищен он был Сикалом²¹, как заявляет Менекрат²², говоря, что сыновей у него было восемь, причем назывались (καλεῖσθαι) они не Гераклидами – ибо сам он еще не звался (ὠνομάζετο) Гераклом, – а *Алкеидами* (курсив наш – И.С.). «Алкеиды» – это, разумеется, от «Алкид».

Наименование «Геракл» уже со времен античности обычно понимают как «прославленный Герой». И выстраивают вокруг этого красивые легенды: дескать, Гера, супруга Зевса, заведомо испытывала неприязнь к ребенку, рожденному ее мужем от иной женщины, а когда ее хитростью заставили дать новорожденному пасынку грудь²³, вконец возненавидела его. Именно по ее злокозненности Геракл попал на службу к своему двоюродному брату Еврисфею, вынужден был, по приказаниям последнего, совершить свои знаменитые подвиги и, таким образом, прославился, в конечном счете, косвенным образом через посредство Геры.

Каждому понятно, что в составном имени²⁴ «Геракл» (Ηρακλῆς) второй корень κλέος – «слава». Таких имен в эллинском ономастиконе, как говорится, хоть пруд пруди (Перикл, Софокл, Диокл, и пр., и пр., и пр.). Происходит ли первый корень действительно от имени Геры? Возможно, здесь перед нами *etymologia vulgaris*, а на самом деле перед нами та же индоевропейская морфема, которая, например, в славянских языках проявляется как «яр-» («ярый», «яростный»; ср. имя языческого бога солнца – Ярило) и должна, видимо, означать нечто жаркое, пылающее. Иными словами, Геракл и Ярослав – это фактически одно и то же.

Двинемся дальше, обозревая прозвища в мифологии. Мы, естественно, не ставим здесь перед собой задачу дать сколько-нибудь исчерпывающий перечень релевантных случаев (и статья, и проект, в рамках которого она пишется, посвящена отнюдь не мифологической проблематике, а реальным историческим лицам), и те примеры, которые нами приводятся, имеют в общем-то иллюстративную цель. Вот один из самых ранних, фигурирующий уже у Гомера (Hom. II. VI. 40 sqq.). Гектор, перед тем как отправиться на поле боя, прощается с супругой Андромахой. Последняя

... Сына у персей держала, бессловного вовсе, младенца.

Плод их единый, прелестный, подобный звезде лучезарной.

Гектор его называл (καλέεσκε) Скамандрием; граждане Трои –

Астианактом: единый бо Гектор защитой был Трои²⁵.

Перед нами, таким образом, следующая ситуация: Гектор дал своему сыну имя Скамандрий (несомненно, в честь реки Скамандра, протекавшей близ Трои),

²⁰ Исправление издателей вместо неверного «Бат» рукописи. Батон Синопский – историк и ритор II в. до н.э.

²¹ Неизвестный персонаж.

²² В позднеклассическое и эллинистическое время работали несколько историков по имени Менекрат; какой из них имеется в виду здесь – не ясно.

²³ Ссылки на источники см. в: Зайцев 1990.

²⁴ Важные соображения о структуре древнегреческих имен в связи с количеством входящих в них морфем см. в: Dubois 2000.

²⁵ Перевод Н.И. Гнедича, с одним нашим маленьким и не принципиальным изменением: у Гнедича – «Астианаксом», теперь так не пишут.

но от других²⁶ тот еще в младенчестве получил престижнейшее прозвище Астианакт, «владыка города»²⁷, с супераристократическим корнем ἀνακτ-²⁸. Как видно из вышеприведенных примеров, прозвища мифологических персонажей по своей структуре отнюдь не отличались от самых обычных личных имен, которые, как известно, у греков ведь тоже почти всегда являлись значащими, «говорящими»²⁹.

Бесспорно, значащим является, в частности, и имя Александр (Ἀλέξανδρος), которое в цикле мифов о Троянской войне всегда присутствует как параллельное обозначение Париса, сына Приама и главного виновника самого данного вооруженного конфликта. Какое-то из этих двух обозначений должно быть все-таки именем *stricto sensu*, а какое-то – прозвищем. Читатель не должен подумать, что мы напрасно рассуждаем об именах мифологических персонажей, казалось бы, не имеющих отношения к истории, к реальности. Как раз у гомеровского Париса-Александра, безусловно, имелся исторический прототип, который в хеттских источниках фигурирует как Алаксандус³⁰.

В связи с вышесказанным следует напомнить, что, собственно, даже и «Приам» – не имя, а прозвище. Античная мифологическая традиция указывает, что от рождения этот сын Лаомедонта³¹ носил имя Подарк. Геракл, взяв Троию, «перестрелял из лука Лаомедонта и всех его сыновей, кроме Подарка, а Теламону³² в качестве почетного дара отдал Гесиону, дочь Лаомедонта. Гесионе Геракл разрешил взять с собой, кого она захочет из пленников. Когда же она выбрала себе брата Подарка, Геракл сказал ей, что прежде Подарк должен стать рабом и только после этого, если она что-нибудь даст взамен, она сможет его взять. Тогда Гесиона сняла с головы покрывало и отдала его в уплату. По этой причине Подарк и был назван (ἐκλήθη) Приамом» (Apollod. Bibl. II. 6. 4).

Соответственно, как единственный оставшийся в живых сын Лаомедонта Приам впоследствии и стал владыкой Трои. В рамках данной версии прозвище его производится от глагола πρᾶσθαι – «покупать». Впрочем, в отечественной литературе в связи с мифологическими антропонимами Парис и Приам есть достаточно интересная разработка В.Л. Цымбурского³³. Он выводит оба этих имени от анатолийских (т.е. в конечном счете от индоевропейских) корней и усматривает в них один и тот же корень, который, по мнению исследователя, должен обозначать «первый».

²⁶ Именно так в оригинале у Гомера (οἱ ἄλλοι). «Граждане Трои» – это поэтическая вольность Гнедича.

²⁷ Поскольку он мыслился потенциальным правителем города. Это ему не было суждено: в ходе взятия Илиона ребенок был умерщвлен Неоптолемом, сыном Ахилла (об этом согласно свидетельствуют нарративные и эпиграфические памятники, что было замечено уже очень давно: Neudemann 1866).

²⁸ Восходящим к титулу царей ахейского времени. См.: Carlier 2006.

²⁹ Этот значащий характер древнегреческих имен неоднократно «обыгрывал» в юмористических целях хотя бы Аристофан в своих комедиях. См. Kanavou 2011.

³⁰ Гиндин, Цымбурский 1996, 103 слл.

³¹ В связи с самим именем Лаомедонта ср. интересные, хотя и небесспорные соображения в: Цымбурский 1990а.

³² Теламон, сын Эака (впоследствии его сыном, в свою очередь, стал Аякс Большой) в мифах представлен верным другом Геракла, сопровождавшим его, в частности, и в троянском походе.

³³ Цымбурский 1990б.

Коль скоро уж зашла речь о Трое, отметим, что еще одна представительница дома Приама, знаменитая пророчица Кассандра³⁴, фигурирует в источниках подчас не под личным именем, а под прозвищем Александра. Именно так ее обозначает, в частности, эллинистический поэт Ликофрон, написавший большую поэму³⁵, которая практически состоит из развернутого прорицания этой деви.

Может возникнуть резонный вопрос: почему же в мифах эллинов прозвища троянских персонажей все сплошь звучат по-гречески (или, по крайней мере, воспринимались в те времена как звучащие по-гречески; оговорку относительно возможного негреческого происхождения имени-прозвища «Приам» см. выше)? Дело в том, что троянцев в ту эпоху, когда складывались мифы, греки, судя по всему, еще совершенно не воспринимали как «варваров», да и употребление слова «варвар» не обнаруживается ни у Гомера, ни в иных памятниках вплоть до рубежа VI–V вв. до н.э. Автор «Илиады» в целом воспринимает жителей осажденного ахейцами города как равных с этими последними; тот же Гектор изображается не то, чтобы с пренебрежением, а, напротив, предстает одним из наиболее симпатичных среди гомеровских героев. Но данное рассуждение уводит нас уже слишком далеко от основной нити изложения³⁶, к которой мы теперь и обращаемся.

Помимо прозвищ, так сказать, постоянных, то есть сопровождающих персонажа с какого-то момента и вплоть до кончины, можно вести и речь о прозвищах, если так можно выразиться, ситуативных, то есть употребляемых в каких-то конкретных обстоятельствах или даже употребленных единожды. В качестве наиболее характерного примера, иллюстрирующего последний случай, можно, конечно же, назвать прозвище, придуманное для самого себя Одиссеем в пещере Полифема, – Никто (Οὐτις).

Я обратился к нему (циклопу – И.С.) с обольстительно-сладостной речью:

«Славное имя мое ты, циклоп, любопытствуешь сведать,

С тем, чтоб меня угостив, и обычный мне сделать подарок?

Я называюсь Никто (Οὐτις); мне такое название дали (Οὐτιν

δέ με κικλήσκουσι)

Мать и отец, и товарищи так все меня величают».

С злобной насмешкою мне отвечал людоед зверонравный:

Знай же, Никто (Οὐτιν)³⁷, мой любезный, что будешь ты самый последний

Съеден, когда я разделаюсь с прочими; вот мой подарок».

(Hom. Od. IX. 363 sqq.)

³⁴ См. в связи с ее образом: Brault 2009.

³⁵ См. в нашем комментированном переводе: Ликофрон 2011.

³⁶ На довольно обильную литературу по теме «Восприятие варваров в ранней Греции» мы здесь не ссылаемся, дабы не загромождать справочный аппарат, тем более что по данной проблематике мы и ранее уже неоднократно писали (см. хотя бы: Суриков 2011, 260 слл; 2015б, 509 слл.).

³⁷ Аккузатив здесь потому, что в оригинале иная грамматическая конструкция, там нет обращения. Как известно, В.А. Жуковский сделал свой знаменитый перевод «Одиссеи» не непосредственно с древнегреческого, а с немецкого. Соответственно, в его переводе периодически встречаются некоторые неточности, что отнюдь не мешает именно этому переводу и поныне быть лучшим из существующих русскоязычных. Все-таки гений есть гений. Решительно не понимаем тех, кто предпочитает иные переводы «Одиссеи», выполненные отнюдь не гениями.

Хитроумный Одиссей³⁸, который умудрился даже единственным из людей послушать пение сирен и не погибнуть, в данном случае тоже изобрел оптимальное решение: когда потом Полифем, лишенный единственного глаза, заревел в пещере и на крик сбежались другие циклопы, спрашивая через заслоняющий вход камень, кто его обидел, тот отвечал «Никто», соплеменники разошлись, недоумевая. В результате Одиссею и его сотоварищам удалось-таки спастись.

Пожалуй, все-таки следует поднять вопрос об отчествах. У того же Гомера героев сплошь и рядом именуют «по батюшке». Одиссей – Лаэртид, Агамемнон и Менелай – Атриды, Ахилл – Пелид, и пр., и пр. и пр. Мы отмечали в предыдущей статье данного цикла³⁹, что в некоторых традициях имена (прежде всего фамильные имена) происходят от отчества; но можно ли отчества, патронимики⁴⁰ считать неофициальными именами, то есть фактически прозвищами?

Нам представляется, что в какой-то мере на этот вопрос можно дать положительный ответ. Даже в рамках нашей русской традиции каждый сталкивался с тем, что индивида в релевантной группе нередко именуют при личном общении «Петрович», «Данилыч» и т.п. Подобное обращение парадоксальным образом совмещает уважительность и фамильярность. Как представляется, не иначе обстояли дела и у античных греков. Почтительное отношение к отцу (которое в античности считалось безусловно обязательным, поскольку демонстрировало семейный континуитет⁴¹) через обращение по отчеству трансформировалось в почтительное отношение к сыну. Между прочим, в исламской традиции иногда встречается противоположный обычай: дабы выказать уважение к индивиду, его называют «отцом такого-то».

А ведь патронимики чрезвычайно часты в древнегреческом узусе – применительно отнюдь не только к мифологическим героям, но и к реальным лицам. Мы не будем к ним специально обращаться в рамках данной статьи; просто хотелось бы указать на само существование проблемы, а вообще-то исследование патронимиков как прозвищ должно бы стать предметом отдельной работы.

Переходя теперь от персонажей мифологии к историческим лицам, никак не можем не обратить внимания на интересный нюанс: похоже, в хронологическом плане прозвища раньше начали появляться не у политиков, а у деятелей культуры. К этому сюжету мы теперь и обратимся.

³⁸ См. лучшие работы о его образе: Finley 1965; Malkin 1998; Dougherty 2001; Hall 2008; Montiglio 2011. Прозвище Одиссея «Никто» неоднократно обыгрывалось в мировой литературе. Приведем наиболее близкий нам пример. Одним из самых талантливых поэтов 1900-х годов, «серебряного века» русской литературы, являлся Иннокентий Анненский. Но ему, занимавшему высокие посты в Министерстве народного просвещения, было не с руки публиковать стихи под собственным именем, и поэтому первый сборник его поэзии («Тихие песни»; что интересно, первоначально Анненский хотел озаглавить книгу «Из пещеры Полифема», но отказался от этой идеи) вышел с таким указанием автора: «Ник. Т-о». Это многих ввело в заблуждение, даже Блока.

³⁹ Суриков 2017.

⁴⁰ С.Г. Карпюк в данной связи упорно на протяжении ряда десятилетий использует слово «патроним». Он даже предложил греческий эквивалент данной лексемы, *πατρώνυμον* (Карпюк 2003, 204). Но здесь какая-то ошибка. Лучший из существующих словарей (Liddell, Scott, Jones, McKenzie 1996, 1349) не дает такой лексемы (а *πατρώνυμικός*, «патронимик» – дает). Поиск в электронном TLG приводит не к лучшим результатам. Итак, нужно писать «патронимик», а не «патроним».

⁴¹ Об этом на античном (греческом и римском) материале см.: Strauss 1993; Feeney 2010; Lamari 2012; Lentano 2015.

Прозвища деятелей культуры в античной Греции. Начнем, как водится, ab ovo. То есть с самого Гомера. Да, тематику прозвищ можно проследить вплоть до самого основоположника античной цивилизации. Подчеркнем, мы здесь совершенно не собираемся касаться вопросов в духе «Существовал ли Гомер в принципе?». Важно другое: в античности почти никто не сомневался в том, что Гомер – реальная личность. Притом имелась устойчивая традиция, что великого поэта на самом деле от рождения звали Мелесигеном, а «Гомер» – прозвище, полученное им в какой-то момент его жизни.

Приведем несколько относящихся к проблеме свидетельств источников⁴². Suid. s.v. Ὀμηρος: «Поэт Гомер был сын Мелета, реки смирнской, и Крифеиды». Мелесиген именно и означает «рожденный Мелетом» или «рожденный у Мелета».

Известно, что эллины обожествляли реки, придавали каждой из них отдельное божество, являвшееся одновременно и сверхъестественным существом, покровительствовавшим реке, и самой этой рекой. Причем божества такого рода изображались в мужском облике (поскольку греческое слово ποταμός – «река» – мужского рода). Так вот и стал Гомер сыном некоей реки под названием Мелет (протекавшей в Ионии, близ Смирны) или – что одно и то же – сыном бога этой реки.

Ps.-Herod. Vita Hom. 1–13: «При основании Кимы эолийской собрались в нее люди из разных племен греческих и, между прочим, некто Меланоп, из фессалийской Магнесии... У него в Киме родилась дочь Крефеида. Умирая, Меланоп поручил Крефеиду своему другу Клеанакту. От тайной связи Крефеида стала беременною; Клеанакт, чтобы скрыть это от граждан, ...отослал ее к своему другу Исмению, который участвовал в колонии кимейской, строившей в то время город Смирну... Там Крефеида, вышедши во время одного праздника с другими женщинами из города, родила на реке Мелете сына и назвала его Мелесигеном... Потом она вышла замуж за Фемию, который учил детей грамоте и музыке... Мелесиген скоро превзошел своих товарищей и сравнялся с Фемием. После смерти Фемию Мелесиген наследовал его состояние... Он познакомился с Ментом, хозяином корабля, происходившим из Левкады или окрестных стран, отправился с ним путешествовать, ...был на Итаке, познакомился с Ментором-итакийцем, узнал от него много об Одиссее, ...вернулся в Малую Азию, ослеп в Колофоне и возвратился в Смирну, где стал заниматься поэзией... Гомером назвали его потому, что на кимейском диалекте Ὀμηρος значит “слепой”».

Здесь перед нами, бесспорно, источник поздний и мало заслуживающий доверия. Иная версия происхождения прозвища «Гомер» содержится, например, также в позднем памятнике (впрочем, все такого рода рассуждения в конечном счете все-таки восходят к соображениям эллинистических филологов⁴³) – свидетельстве словаря «Суда», уже упоминавшемся выше.

Дескать, как-то воевала Смирна, в которой жил Мелесиген, с соседним Колофоном, и в ходе этой войны будущий поэт, еще молодой в ту пору, оказался у врагов в заложниках. А «заложник» по-древнегречески будет ὀμηρος. Такие вот

⁴² По проблеме этих источников о Гомере и поныне остается полезной старая, но чрезвычайно скрупулезная по подходу статья Ф.Ф. Соколова «Гомеровский вопрос» (см. в: Соколов 1910, 1 слл.).

⁴³ См. в общей форме: Wilson 1996; Dickey 2007; Kaldellis 2012; Tosi 2015.

незамысловатые и в то же время далеко идущие умозаключения сплошь и рядом делались в поздней античности. Кстати, война между Смирной и Колофоном – реальный исторический факт. Она имела место в начале VII в. до н.э., и в ее результате потерпевшая поражение Смирна, которая ранее являлась эолийским городом, вошла в состав Ионии. Здесь нельзя не заметить, что язык «Илиады» и «Одиссеи» в своей основе представляет собой смешанный эолийско-ионийский диалект, причем эолийский «пласт» более древний, ионийский – более поздний⁴⁴. Так что корреляция лингвистического материала и мифоисторической традиции налицо.

Как бы то ни было, Гомер – фигура полулегендарная, а вот следующий за ним великий эпик, Гесиод, обычно признается лицом вполне реальным. В античности историчность этого уроженца беотийской деревни Аскры⁴⁵ никем не подвергалась сомнению, и о нем не шли дискуссии, подобные «спорам о Гомере». Возражения традиционной позиции прозвучали относительно недавно, и ученым, который их выдвинул, стал выдающийся американский антиковед Грегори Надь⁴⁶. В замечательной монографии «Греческая мифология и поэтика» – книге, ставшей событием, переведенной на ряд языков, в том числе и на русский,⁴⁷ он оспорил историчность Гесиода и, во всяком случае, оговорил, что даже если этот поэт и существовал, то от рождения он носил иное имя, а «Гесиод» должно быть прозвищем.

Главные резоны Надя в том, что он находит в имени Гесиода (Ἡσίοδος) корень, наличествующий в лексеме ῥοδή («песнь»). Соответственно, имя может значить что-то вроде «сплетающий песни». Но ведь родители не могли знать, что их сын, повзрослев, станет аэдом! Соответственно, крайне сомнительно, что уроженец эолийской Кимы, мореход, перебравшийся в Беотию, дабы стать крестьянином, дал бы сыну подобное имя.

Нам, однако, представляется более верной позиция, означенная еще в старом словаре Папе – Бензелера⁴⁸: в имени Ἡσίοδος второй корень происходит отнюдь не от ῥοδή, а от ὁδός («путь, дорога»). Это и логично (отец Гесиода, собиравшийся в дальний путь – из Эолиды в Беотию, – вполне мог назвать так своего сына), и в большей степени соответствует языковым реалиям: все-таки фонетический переход от о к ω (т.е. от ὀ к ὦ) не представляется очень вероятным, а уж тем более от о к ϖ.

Г. Надь, исходя из своего понимания имени Гесиода, пытается вообще «убрать» данного поэта, деконструировать его. Все это, конечно, способствовало бы его пониманию эволюции ранней греческой поэзии, согласно которому эпос возник позже древнейших памятников лирики⁴⁹. Нам, однако, представляется, что это уже, так сказать, «перебор». Гораздо легче даже с его точки зрения было бы,

⁴⁴ О «гомеровском», или «эпическом» диалекте см.: Horrocks 1997; Hackstein 2010.

⁴⁵ Edwards 2004.

⁴⁶ Прославившийся в последнее время в основном тем, как «лихо» он расправился с Гомером в, что бы там ни говорили глубоко уважаемые нами Н.П. Гринцер и С.А. Степанцов, все-таки вполне постмодернистском, деконструкционистском духе (Nagy 2003; 2010). Относительно более мягко обошелся он с Солоном (Nagy, Noussia-Fantuzzi 2015), по крайней мере, по сравнению с гиперкритическими *pes plus ultra* работами: Lardinois 2006; Stehle 2006.

⁴⁷ Надь 2002.

⁴⁸ Папе 1911, 474.

⁴⁹ Ту же позицию в утрированном виде см.: Sauge 2000. В более умеренной форме: Irwin 2005.

как нам представляется, постулировать, что поэт, которого мы знаем как Гесиода, действительно существовал и, самое большее, не именовался Гесиодом от рождения, а взял себе такой псевдоним. Псевдонимы в античности реально существовали. Например, Ксенофонт, похоже, опубликовал свой «Анабасис» под именем сиракузянина Фемистогена (во всяком случае, так указано в: Plut. Mor. 345e).

Кстати, к вопросу о псевдонимах. Можно ли считать их прозвищами? Нам представляется, что в полной мере. Это прозвище, которое человек выбрал себе сам. Между прочим, в античности практика использования псевдонимов была куда менее частой, чем в наше время, и притом имела одну характерную черту: подчас в качестве псевдонима бралось имя иного, вполне реального лица. Тут можно говорить в какой-то мере о «плагиате наоборот». Плагиат как таковой тоже встречался, и, как известно, некоторые поэты архаической эпохи (Феогнид, Фокилид) использовали против него предохранительную меру («печатъ», атт. σφραγίς, ион. σφρηγίς)⁵⁰, применяя некое характерное выражение (у Феогнида – обращение к Кирну, у Фокилида – фраза «И это Фокилидово»). От плагиата-то их это, пожалуй, и спасло⁵¹, а вот от «плагиата наоборот», о котором говорилось чуть выше, отнюдь не спасло. Подделывались и стихи Феогнида (в Corpus Theognideum, что совершенно очевидно, встречаются элегии, относящиеся не к архаической, а к классической эпохе, какие-то, может быть, даже к эллинистической), и даже стихи куда менее известного Фокилида.

Подобный же «плагиат наоборот» (приписывание своего сочинения более авторитетному лицу, а это, как мы указали, тоже является фактически псевдонимом) был особенно распространен среди философов. Припоминаются, конечно, в первую очередь пифагорейцы, которые на протяжении веков подписывали свои сочинения именем учителя, – ведь он, дескать, всё «сам сказал»; потому-то, как минимум, с поздней античности имели и имеют хождение различные тексты, помеченные авторством Пифагора, но, естественно, не им написанные. Впрочем, сильно ли иначе обстояли дела и в таких философских школах, как Академия или Ликей? Всем прекрасно известно, что в корпусе платоновских диалогов достаточно отчетливо выделяется ряд таких, которые явно не принадлежат самому Платону. Или возьмем «Политии» Аристотеля; физически невозможно, чтобы один человек написал более полутора сотен трактатов, вошедших в этот цикл. Конечно,

⁵⁰ Аверинцев 1996, 28; Hubbard 2007.

⁵¹ Да и то, похоже, не в полной мере. Постоянно отмечается, что совпадает (полностью или – чаще – с незначительными расхождениями) ряд стихов Феогнида и Солона (см. наиболее подробный разбор проблемы в: Noussia-Fantuzzi 2010, 45 ff.). Кто у кого заимствовал – Феогнид у Солона или Солон у Феогнида? Конечно, единственно верен первый вариант, если стоять на точке зрения А.И. Доватура, помещающего Феогнида заведомо позже Солона, при этом чисто на основе внутренней убежденности, без какой-либо аргументации («Настоящая работа имеет дело с поэтом Феогнидом, гражданином Мегар Нисейских (а не Гиблейских), родившимся (а не процветавшим) в 59-ю олимпиаду 544–541 гг.»: Доватур 1989, 36–37). Но хорошенькое же здесь *petitio principii*, придающее всей системе тезисов чисто догматический характер! Дескать, мы хотим иметь дело именно с этим и именно с таким Феогнидом, а никакого другого и знать не желаем. А между тем γεγονός в «Суде» в подобном контексте никак не может означать «родившийся» (см. к вопросу: Rohde 1901, 114–184). Гораздо более вероятна датировка Феогнида первой половиной столетия (Legon 1981, 104 f.; Пальцева 1999, 267–299). Соответственно, так-таки и неизвестно, кто у кого, так сказать, «списывал». В любом случае, плагиат налицо.

над ними трудились другие перипатетики, однако же в историю они вошли как труды Стагирита⁵².

Вернемся к основной нити изложения. От Гесиода прямой выход на Стесихора, весьма крупного представителя архаической хоровой мелики⁵³, произведшего в ней целый ряд важных реформ. Как и в случае с Гесиодом (даже в большей степени, поскольку тут-то уж этимология бесспорна), возникает вопрос: как могли родители назвать ребенка именем, означающим «устроитель хора», как бы заранее предсказывая тем самым его будущую профессию? Поэтому, например, О.М. Фрейденберг отнесла Стесихора к «псевдоавторам»⁵⁴. Но в том-то и дело, что «Стесихор», судя по всему, – псевдоним, сознательно взятый самим поэтом: традиция утверждает, что на самом деле его звали Тисием (Suid. s.v. Στησίχορος). А мы уже договорились считать псевдонимы видом прозвищ.

Обратимся теперь к примеру совсем уж хрестоматийному. Сам великий Платон на самом деле вовсе не Платон. При рождении этот знатнейший афинский аристократ, потомок древних царей⁵⁵ получил от родителей иное имя – Аристокл.

Здесь необходима цитата. «Грамоте он учился у Дионисия, ...а гимнастикой занимался у борца Аристона из Аргоса – от него он и получил имя Платон («Широкий») за свое крепкое сложение (ἀφ' οὗ καὶ Πλάτων διὰ τὴν εὐεξίαν μετωνομάσθη), а прежде звался (καλούμενος) Аристоклом, по имени деда... Впрочем, некоторые полагают, что он прозван так (οὕτως ὀνομασθῆναι) за широту своего слога, а Неанф – что за широкий лоб» (Diog. Laert. III. 4).

Не доверять данному свидетельству (главный смысл которого в том, что Платона от рождения звали Аристоклом), на наш взгляд, нет никаких оснований⁵⁶. Аристоклом, в частности, звали отца Аристона, чьим сыном был Платон. А ведь прекрасно известно, как любили античные греки нарекать сына именем деда⁵⁷. С другой стороны, никаких других Платонов мы вроде бы не встречаем в той ветви дома Кодридов, к которой принадлежал основатель Академии.

Если «Платон» действительно является прозвищем (а мы все-таки к этому склоняемся), то, безусловно, оно должно соотноситься с πλατύς («широкий»). Но «широкий» в каком смысле? Как можно видеть, уже позднеантичный эрудит Диоген Лаэртский недоумевал по этому поводу и приводил несколько разных версий. Занимался ли действительно Платон борьбой? Похоже, безусловно. Стал ли он олимпийским победителем в этой дисциплине? А вот это сомнительно⁵⁸; только один автор свидетельствует о данном факте, и автор этот – Олимпиодор, работавший в VI в. н.э., т.е. писатель очень поздний. Но, вне зависимости от по-

⁵² «Афинская полития» особенно часто фигурирует в традиции как написанная самим Аристотелем. Но даже и относительно нее указывалось, что, судя по характеру текста, в ее составлении участвовали, как минимум, два человека: Whitehead 1993.

⁵³ О котором см.: Krummen 2009; Pelling 2016.

⁵⁴ Фрейденберг 1997, 254.

⁵⁵ Генеалогическое древо Платона см.: Davies 1971 (таблицы приложены к книге); Nails 2002, 244.

⁵⁶ Хотя, как ни странно, ему регулярно не доверяют. В частности, в посвященном Афинам томе главного на сегодняшний день компендиума по древнегреческой ономастике и просопографии (Osborne, Byrne 1994, 169) Платон фигурирует именно как «Платон».

⁵⁷ В связи с особенностями древнегреческого (преимущественно афинского) имянаречения см.: Суриков 2009.

⁵⁸ Moretti 1957, 182.

бед Платона на каких бы то ни было состязаниях, он, похоже, был и вправду мужчиной крупным (мелкие в борьбе не подвизались, поскольку не было еще такого понятия, как «весовые категории», состязание было единым). С другой стороны, наиболее хрестоматийный скульптурный портрет Платона и вправду ведь изображает его на редкость широколобым.

Выше речь шла о прозвищах (истинных или постулируемых), которые фактически заменили их носителям личные имена, вытеснили их, стали употребляться вместо них (Платона мы знаем именно как Платона, Стесихора – как Стесихора). Понятно, гораздо чаще имеют место примеры, когда прозвище не заменяло имя, а функционировало наряду с именем, не вытесняя, а дополняя его в целях идентификационных и/или эмфатических. Так, Аристотеля и поныне часто называют Стагиритом, и так его начали называть, как известно, уже в античности (ὁ Σταγειρίτης), поскольку имя Аристотель отнюдь не относилось к числу малораспространенных, даже если брать деятелей культуры. «Всего было восемь Аристотелей: первый – вышеназванный; второй – афинский государственный деятель, от которого известны изящные судебные речи; третий – занимавшийся “Илиадой”; четвертый – сицилийский ритор, написавший возражение на “Панегирик” Исократу; пятый – по прозвищу “Миф” (ὁ ἐπικληθεὶς Μῦθος), последователь сократика Эсхина; шестой – из Кирены, писал о поэтике; седьмой – учитель гимнастики, упоминаемый Аристоксеном в “Жизнеописании Платона”⁵⁹; восьмой – безвестный грамматик, от которого сохранилось пособие “О словоизишествве”» (Diog. Laert. V. 35).

На самом деле Аристотелей в Греции, конечно, было не восемь. Одних только афинских граждан, носивших это имя, известно 70⁶⁰. Так что топоним основателя Ликея, ставший его прозвищем⁶¹, с полной очевидностью выполнял функцию идентификации. Еще один сразу припоминающийся пример – Деметрий Фалерский (Δημήτριος ὁ Φαληρεὺς), тоже выходец из перипатетической школы, «правитель-философ» Афин в 317–307 гг. до н.э.⁶² Имя «Деметрий» было и в Афинах, и в Греции в целом просто-таки чрезвычайно распространенным.

Есть случаи и эмфатического использования прозвищ. Что интересно, к философам они применялись особенно часто. Вспомним хотя бы Гераклита Эфесского. Ему постоянно сопутствовало прозвище «Темного» (Σκοτεινός; см. хотя бы: Suid. s.v. Ἡράκλειτος).

Кстати говоря, труд Диогена Лаэртского, на который нам и ранее доводилось ссылаться⁶³, является обильным «кладезем» касательно сведений, относящихся к прозвищам философов. Приведем несколько релевантных цитат из него:

«Анаксагор... первый поставил Ум выше вещества... За это его даже прозвали Умом (παρὸ καὶ Νοῦς ἐπεκλήθη)» (Diog. Laert. II. 6).

«Из друзей его (Эсхина Сократика – И.С.) известен только один, по прозвищу Аристотель Миф (Ἀριστοτέλης ὁ Μῦθος ἐπικληθεὶς)» (Diog. Laert. II. 63). К

⁵⁹ Об Аристоксене как биографе см.: Brisson 2007.

⁶⁰ Osborne, Вугне 1994, 60.

⁶¹ Топонимы и этникины нередко превращались даже в личные имена в строгом смысле слова: Knoepfler 2000; Fraser 2000.

⁶² О деятельности Деметрия Фалерского см.: Хабихт 1999, 58–71; Фролов 2001, 535–565; Gehrke 1978; O’Sullivan 2001

⁶³ О значении этого труда для античной биографической традиции см.: Mejer 2007.

тому же персонажу относится вышецитированный пассаж: «Всего было восемь Аристотелей... Пятый – по прозвищу “Миф” (ὁ ἐπικληθεὶς Μῦθος), последователь сократика Эхина» (Diog. Laert. V. 35).

«Учениками Аристиппа были его дочь Арета, Эфион из Птолемаиды и Антипатр из Кирены. У Ареты учился Аристипп, прозванный “учеником матери” (ὁ μητροδιδάκτορ ἐπικληθεὶς), а у него – Феодор, прозванный сперва “безбожником”, а потом “богом” (ὁ ἄθεος, εἶτα θεός). Антипатр учил Эпитимида из Кирены, тот – Паребата, а тот – Гегесия, прозванного Учителем Смерти (ὁ περσιθάνατος)» (Diog. Laert. II. 86). Перечисленные в этом абзаце философы относятся к киренской школе, основанной учеником Сократа Аристиппом⁶⁴ и проповедовавшей активный гедонизм. Как видим, почему-то именно в этой школе прозвища были особенно распространены.

«Гераклид (Понтийский – И.С.)... телом был так тучен, что в Афинах его называли не “Гераклид с Понта”, а “Гераклид с пузом” (ὕπὸ τῶν Ἀττικῶν μὴ Ποντικὸν ἀλλὰ Πομπικὸν καλεῖσθαι)» (Diog. Laert. V. 86). Тут, заметим сразу, налицо некоторая *licentia poetica* переводчика (а таковым выступал не кто иной, как М.Л. Гаспаров). Πομπικός – это, строго говоря, отнюдь не «пузатый», а «торжественный, пышный». Как говорится, «непереводимая игра слов», которую по-сильному попытался передать Гаспаров.

«Зенон (основатель стоической школы – И.С.)... был худой, довольно высокий, со смуглой кожей (за что его и называли “египетской лозой” (ὅθεν τις αὐτὸν εἶπεν Αἰγυπτίαν κληματίδα), как сообщает Хрисипп в I книге “Пословиц”)» (Diog. Laert. VII. 1). Здесь, полагаем, какое-то ситуативное, а не постоянное прозвище, тем более что в источнике употреблена форма от глагола λέγω, а не ἐπι-καλέω.

«Аристон⁶⁵ Лысый из Хиоса, прозванный также Сиреной (Ἀρίστων ὁ Χίος ὁ Φάλανθος ἐπικαλούμενος Σειρήν)...» (Diog. Laert. VII. 160). Здесь перед нами интересный случай, когда у одного и того же персонажа отмечаются сразу два прозвища. Одно – чисто идентификационное⁶⁶, второе – явно эмфатическое (правда, Диогеном Лаэртским не объясняется причина, по которой философ его получил, но это, конечно, было связано с какими-то особенностями трудов онога, каковые до нас, увы, не дошли).

Чуть ниже в том же позднеантичном труде по истории философии фигурирует Дионисий Перебежчик (Διονύσιος ὁ Μεταθέμενος, Diog. Laert. VII. 166). Впрочем, мы, конечно же, совершенно не задаемся целью перечислить все случаи употребления прозвищ в труде Диогена Лаэртского (таковых, разумеется, гораздо больше по сравнению с той небольшой, чисто случайной выборкой, которая была приведена). Наша задача заключалась в другом: в том, чтобы продемонстрировать, что к философам как-то особенно «прилипали» прозвища. Что касается характера этих прозвищ, – одни из них выглядят нейтральными (то есть имеют идентификационный характер, указывают на происхождение, черты внешности

⁶⁴ Аристипп, похоже, так внес свой вклад – с гедонистической точки зрения – в античную биографическую традицию: Dorandi 2007.

⁶⁵ Второстепенный представитель раннего стоицизма.

⁶⁶ Строго говоря, φάλανθος – не «лысый», а «с залысынами на лбу»: Liddell, Scott, Jones, McKenzie 1996, 1914.

или на что-либо в подобном же роде), другие – эмоционально окрашенными (то есть имеют эмфатический характер⁶⁷, указывают на отношение к данному персонажу со стороны его современников и/или потомков). Какой-либо специальной системы в присвоении личностям прозвищ, похоже, не наблюдается (во всяком случае, таковой системы в ярко выраженном виде пока не обнаруживают предварительные наблюдения – но на то они и предварительные).

В данной статье речь еще не шла о прозвищах древнегреческих политических деятелей доэллинистического времени. К оным последним обратимся в следующей работе нашего цикла. Пока можно повторить то положение, которое уже высказывалось выше: деятели культуры (поэты, философы и пр.) в Элладе, безусловно, начали обзаводиться прозвищами раньше, чем политики. Во всяком случае, если исходить из тех данных, которые имеются в нашем распоряжении. Но тут дело, может быть, еще и в том, что для ранней Греции нам и в принципе-то известно гораздо больше достоверного о деятелях культуры, нежели о политиках.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев, С.С. 1996: *Риторика и истоки европейской литературной традиции*. М.
- Андреев, Ю.В. 2002: *От Евразии к Европе: Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа*. СПб.
- Блаватская, Т.В. *Черты истории государственности Эллады (XII–VII вв. до н.э.)*. СПб.
- Видаль-Накэ, П. 2001: *Черный охотник: Формы мышления и формы общества в греческом мире*. М.
- Гиндин, Л.А., Цымбурский, В.Л. 1996: *Гомер и история Восточного Средиземноморья*. М.
- Доватур, А.И. *Феогнид и его время*. Л.
- Зайцев, А.И. 1990: Геракл. В кн.: Е.М. Мелетинский (гл. ред.), *Мифологический словарь*. М., 147–149.
- Карпюк, С.Г. 2003: *Общество, политика и идеология классических Афин*. М.
- Ликофрон 2011: Александра (перевод с древнегреческого и комментариев И.Е. Сурикова). *ВДИ* 1, 219–233; 2, 234–267.
- Молчанов, А.А. 2002: *Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н.э. (Проблемы источниковедения миноистики и микенологии)*. М.
- Надь, Г. 2002: *Греческая мифология и поэтика*. М.
- Пальцева, Л.А. 1999: *Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии*. СПб.
- Соколов, Ф.Ф. 1910: *Труды*. СПб.
- Суриков, И.Е., 2009: Новые наблюдения в связи с ономастико-просопографическим материалом афинских остраконов. *Вопросы эпиграфики* 3, 102–127.
- Суриков, И.Е. 2011: *Очерки об историописании в классической Греции*. М.
- Суриков, И.Е. 2015а: *Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира*. М.
- Суриков, И.Е. 2015б: *Античная Греция: Ментальность, религия, культура*. М.
- Суриков, И.Е. 2017: Прозвища у греков архаической и классической эпох. I. Предварительные соображения общетеоретического характера. *ПИФК* 1 (55), 19–34.
- Фрейденберг, О.М. 1997: *Поэтика сюжета и жанра*. М.
- Фролов, Э.Д. 1988: *Рождение греческого полиса*. Л.
- Фролов, Э.Д. 2001: *Греция в эпоху поздней классики: Общество. Личность. Власть*. СПб.

⁶⁷ О «перерождении» идентификационного прозвища в эмфатическое см. теперь (на одном конкретном, весьма ярком примере): Gabelko 2016.

- Хабихт, Х. 1999: *Афины. История города в эллинистическую эпоху*. М.
- Цымбурский, В.Л. 1990а: Лаомедонт – эпиклеза Посейдона? (к разночтениям в ст. 157 «Александр» Ликофрона). В кн.: А.А. Тахо-Годи, И.М. Нахов (ред.), *Античность в контексте современности*. М., 66–75.
- Цымбурский, В.Л. 1990б: Александр – Алаксандус – Elaqsantre (К диахронной структуре мифа о Парисе). В кн.: И.Е. Данилова (общ. ред.), *Образ – смысл в античной культуре*. М., 223–249.
- Яйленко, В.П. *Архаическая Греция и Ближний Восток*. М.
- Boardman, J. Herakles, Peisistratos and Eleusis. *JHS* 95, 1–12.
- Brault, P.-A. 2009: Playing the Cassandra: Prophecies of the Feminine in the *Polis* and Beyond. In: D.E. McKoskey, E. Zakin (eds.), *Bound by the City: Greek Tragedy, Sexual Difference, and the Formation of the Polis*. Albany, 197–220.
- Brisson, L. 2007: Aristoxenus: His Evidence on Pythagoras and the Pythagoreans. The Case of Philolaus. In: M. Erler und S. Schorn (eds.), *Die griechische Biographie in hellenistischer Zeit*. Berlin – New York, 269–284.
- Carrier, P. 2006: Ἀναξ and βασιλεύς in the Homeric Poems. In: S. Deger-Jalkotzy, I.S. Lemos (eds.), *Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer*. Edinburgh, 101–109.
- Connolly, J. 2003: Like the Labors of Heracles: *Andreia* and *Paideia* in Greek Culture under Rome. In: R.M. Rosen, I. Sluiter (eds.), *Andreia: Studies in Manliness and Courage in Classical Antiquity*. Leiden – Boston, 287–317.
- Davies, J.K. 1971: *Athenian Propertied Families 600–300 B.C.* Oxford.
- Dickey, E. 2007: *Ancient Greek Scholarship: A Guide to Finding, Reading, and Understanding Scholia, Commentaries, Lexica, and Grammatical Treatises, from their Beginnings to the Byzantine Period*. Oxford.
- Dickinson, O. 2007: *The Aegean from Bronze Age to Iron Age: Continuity and Change between the Twelfth and Eighth Centuries BC*. London – New York.
- Dorandi T. Π Περί παλαιᾶς τρυφῆς attribuito a Aristippo nella storia della biografia antica. In: M. Erler und S. Schorn (eds.), *Die griechische Biographie in hellenistischer Zeit*. Berlin – New York, 157–172.
- Dougherty, C. 2001: *The Raft of Odysseus: The Ethnographic Imagination of Homer's Odyssey*. Oxford.
- Dubois, L. 2000: Hippolytos and Lysippos: Remarks on Some Compounds in Ἴππο-, -ἵππος. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 41–52.
- Edwards, A.T. 2004: *Hesiod's Ascrea*. Berkeley.
- Feeney, D. 2010: Fathers and Sons: The Manlii Torquati and Family Continuity in Catullus and Horace. In: C.S. Kraus, J. Marincola, C. Pelling (eds.), *Ancient Historiography and its Contexts: Studies in Honour of A.J. Woodman*. Oxford, 205–223.
- Finley, M.I. 1965: *The World of Odysseus*. New York.
- Fraser, P.M. 2000: Ethnics as Personal Names. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 149–157.
- Gabelko, O.L. 2016: Antigonos “Monophtalmos”: Some Particulars in the Interpretation of the Nickname. *Anabasis: Studia classica et orientalia* 7, 71–78.
- Gehrke H.-J. 1978: Das Verhältnis von Politik und Philosophie im Wirken des Demetrios von Phaleron. *Chiron* 8, 149–193.
- Goff, B. 2016: The Leopard-skin of Heracles: Traditional Wisdom and Untraditional Madness in a Ghanaian *Alcestis*. In: P. Kyriakou, A. Rengakos (eds.), *Wisdom and Folly in Euripides*. Berlin – Boston, 347–364.

- Gregory, J. 1977: Euripides' *Heracles*. In: T.F. Gould, C.J. Herington (eds.), *Greek Tragedy*. Cambridge, 259–275.
- Hackstein, O. 2010: The Greek of Epic. In: E.J. Bakker (ed.), *A Companion to the Ancient Greek Language*. Oxford, 401–423.
- Hall, E. 2008: *The Return of Ulysses*. Baltimore.
- Hall, J.M. 2014: *A History of the Archaic Greek World ca. 1200–479 BCE*. 2nd ed. Oxford.
- Haubold, J. 2005: Heracles in the Hesiodic *Catalogue of Women*. In: R. Hunter (ed.), *The Hesiodic Catalogue of Women: Constructions and Reconstructions*. Cambridge, 85–98.
- Heydemann, H. 1866: *Iliupersis auf einer Trinkschale des Brygos: Erläutert und herausgegeben*. Berlin.
- Horrocks, G. 1997: Homer's Dialect. In: I. Morris, B. Powell (eds.), *A New Companion to Homer*. Leiden – New York – Köln, 193–217.
- Hubbard, T. 2007: Theognis' *Sphrêgis*: Aristocratic Speech and the Paradoxes of Writing. In: C. Cooper (ed.), *Politics of Orality*. Leiden – Boston, 193–215.
- Irwin, E. 2005: *Solon and Early Greek Poetry: The Politics of Exhortation*. Cambridge.
- Kaldellis, A. 2012: The Byzantine Role in the Making of the Corpus of Classical Greek Historiography: A Preliminary Investigation. *JHS* 132, 71–85.
- Kanavou, N. 2011: *Aristophanes' Comedy of Names: A Study of Speaking Names in Aristophanes*. Berlin – New York.
- Knoepfler, D. Oropodoros: Anthroponymy, Geography, History. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 81–98.
- Krummen, E. 2009: Alcman, Stesichorus and Ibycus. In: F. Budelmann (ed.), *The Cambridge Companion to Greek Lyric*. Cambridge, 189–203.
- Lamari, A. 2012: The Return of the Father: Euripides' *Antiope*, *Hypsipylae* and *Phoenissae*. In: A. Markantonatos, B. Zimmermann (eds.), *Crisis on Stage: Tragedy and Comedy in Late Fifth-Century Athens*. Berlin – Boston, 219–239.
- Lardinois, A.P.M.H. 2006: Have we Solon's Verses? In: J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds.), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden – Boston, 15–35.
- Ligon, R.P. 1981: *Megara: The Political History of a Greek City-State to 336 B.C.* Ithaca.
- Lentano, M. 2015: *Parricidii sit actio*: Killing the Father in Roman Declamation. In: E. Amato, F. Citti, B. Huelsenbeck (eds.), *Law and Ethics in Greek and Roman Declamation*. Berlin, 133–153.
- Liddell, H.G., Scott, R., Jones, H.S., McKenzie, R. 1996: *A Greek-English Lexicon: With a Revised Supplement*. Oxford.
- Malkin, I. 1998: *The Returns of Odysseus: Colonization and Ethnicity*. Berkeley.
- Mejer, 2007: J. Biography and Doxography. Four Crucial Questions Raised by Diogenes Laertius. In: M. Erler und S. Schorn (eds.), *Die griechische Biographie in hellenistischer Zeit*. Berlin – New York, 431–442.
- Montiglio, S. 2011: *From Villain to Hero: Odysseus in Ancient Thought*. Ann Arbor.
- Moretti, L. 1957: *Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni olimpici*. Roma.
- Nagy, G. 2003: *Homeric Responses*. Austin.
- Nagy, G. 2010: *Homer the Preclassic*. Berkeley.
- Nagy, G., Noussia-Fantuzzi, M. 2015: Introduction. In: G. Nagy, M. Noussia-Fantuzzi (eds.), *Solon in the Making: The Early Reception in the Fifth and Fourth Centuries*. Berlin – Boston, 1–7.
- Nails, D. 2002: *The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics*. Indianapolis.
- Nilsson, M.P. 1932: *The Mycenaean Origin of Greek Mythology*. Berkeley.
- Nilsson, M.P. 1950: *The Mynoan-Mycenaean Religion and its Survival in Greek Religion*. Lund.
- Nilsson, M.P. 1955: *Geschichte der griechischen Religion*. Bd. 1. München.

- Noussia-Fantuzzi, M. 2010: *Solon the Athenian, the Poetic Fragments*. Leiden – Boston.
- Osborne, M.J., Byrne, S.G. 1994: *A Lexicon of Greek Personal Names* In: P.M. Fraser and E. Matthews (ed.), Vol. 2. *Attica*. Oxford.
- O'Sullivan, L. 2001: Philochorus, Pollux and the *Nomophulakes* of Demetrius of Phalerum. *JHS* 121, 51–62.
- Padgett J.M., 2014: The Serpent in the Garden: Herakles, Ladon, and the Hydra. In: A. Avramidou, D. Demetriou (eds.), *Approaching the Ancient Artifact: Representation, Narrative, and Function. A Festschrift in Honor of H.A. Shapiro*. Berlin – Boston, 43–51.
- Papadopoulou, T. 2005: *Heracles and Euripidean Tragedy*. Cambridge.
- Pape, W. 1911: *Wörterbuch der griechischen Eigennamen. 3 Aufl., neu bearbeitet von G.E. Benseler*. Ht. 1. Braunschweig.
- Pelling, C. 2016: Herodotus, Polycrates – and Maybe Stesimbrotus Too? *JHS* 136, 113–120.
- Riley, K. 2004: Heracles as Dr Strangelove and GI Joe: Male Heroism Deconstructed. In: E. Hall, F. Macintosh and A. Wrigley (eds.), *Dionysus since 69: Greek Tragedy at the Dawn of the Third Millennium*. Oxford, 113–141.
- Rohde, E. 1901: *Kleine Schriften. Bd. 1*. Tübingen – Leipzig.
- Salowey, C.A. 2015: Sophokles' *Philoktetes*: The Cult of Herakles Dramatized. In: K.F. Daly, L.A. Riccardi (eds.), *Cities Called Athens: Studies Honoring John McK. Camp II*. London, 369–387.
- Sauge, A. 2000: *“L'Iliade”, poème athénien de l'époque de Solon*. Bern.
- Stafford, E. 2010: Herakles between Gods and Heroes. In: J.N. Bremmer, A. Erskine (eds.), *The Gods of Ancient Greece: Identities and Transformations*. Edinburgh, 228–244.
- Starr, Ch.G. 1962: *The Origins of Greek Civilization 1100–650 B.C*. London.
- Stehle, E. 2006: Solon's Self-reflexive Political Persona and its Audience. In: J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds.), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden – Boston, 79–113.
- Strauss, B.S. 1993: *Fathers and Sons in Athens: Ideology and Society in the Era of the Peloponnesian War*. London.
- Thomas, C.G., Conant, C. 1999: *Citadel to City-State: The Transformation of Greece, 1200–700 B.C.E*. Bloomington.
- Tosi, R. 2015: Typology of Lexicographical Works. In: F. Montanari, S. Matthaios, A. Rengakos (eds.), *Brill's Companion to Ancient Greek Scholarship*. Vol. 1. *History; Disciplinary Profiles*. Leiden – Boston, 622–636.
- Whitehead, D. 1993: 1–41, 42–69: A Tale of Two *Politeiai*. In: M. Piérart (ed.), *Aristote et Athènes*. Paris, 25–38.
- Wilson, N.G. 1996: *Scholars of Byzantium*. London.
- Wyles, R. 2013: R. Heracles' Costume from Euripides' *Heracles* to Pantomime Performance. In: G.W.M. Harrison, V. Liapis (eds.), *Performance in Greek and Roman Theatre*. Leiden – Boston, 181–198.

REFERENCES

- Andreev, Yu.V. 2002: *Ot Evrazii k Evrope: Krit i Egeyskiy mir v epokhu bronzy i rannego zheleza* [From Eurasia to Europe: Crete and the Aegean World in the Era of Bronze and Early Iron]. Saint-Petersburg.
- Averintsev, S.S. 1996: *Ritorika i istoki evropeyskoy literaturnoy traditsii* [Rhetoric and the Origins of the European Literary Tradition]. Moscow.
- Blavatskaya, T.V. 2003: *Cherty istorii gosudarstvennosti Ellady (XII–VII vv. do n.e.)* [The Features of the History of the Statehood of Hellas (12th –7th Centuries BC)]. Saint-Petersburg.
- Boardman, J. Herakles, Peisistratos and Eleusis. *Journal of Hellenic Studies* 95, 1–12.

- Brault, P.-A. 2009: Playing the Cassandra: Prophecies of the Feminine in the *Polis* and Beyond. In: D.E. McKoskey, E. Zakin (eds.): *Bound by the City: Greek Tragedy, Sexual Difference, and the Formation of the Polis*. Albany, 197–220.
- Brisson, L. 2007: Aristoxenus: His Evidence on Pythagoras and the Pythagoreans. The Case of Philolaus. In: M. Erler und S. Schorn (eds.), *Die griechische Biographie in hellenistischer Zeit*. Berlin – New York, 269–284.
- Carlier, P. 2006: Ἄναξ and βασιλεύς in the Homeric Poems. In: S. Deger-Jalkotzy, I.S. Lemos (eds.), *Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer*. Edinburgh, 101–109.
- Connolly, J. 2003: Like the Labors of Heracles: *Andreia* and *Paideia* in Greek Culture under Rome. In: R.M. Rosen, I. Sluiter (eds.), *Andreia: Studies in Manliness and Courage in Classical Antiquity*. Leiden – Boston, 287–317.
- Davies, J.K. 1971: *Athenian Propertied Families 600–300 B.C.* Oxford.
- Dickey, E. 2007: *Ancient Greek Scholarship: A Guide to Finding, Reading, and Understanding Scholia, Commentaries, Lexica, and Grammatical Treatises, from their Beginnings to the Byzantine Period*. Oxford.
- Dickinson, O. 2007: *The Aegean from Bronze Age to Iron Age: Continuity and Change between the Twelfth and Eighth Centuries BC*. London – New York.
- Dorandi T. Il Περί παλαιᾶς τρυφῆς attribuito a Aristippo nella storia della biografia antica. In: M. Erler und S. Schorn (eds.), *Die griechische Biographie in hellenistischer Zeit*. Berlin – New York, 157–172.
- Dougherty, C. 2001: *The Raft of Odysseus: The Ethnographic Imagination of Homer's Odyssey*. Oxford.
- Dovatur, A.I. 1989: *Feognid i ego vremya [Theognis and his Time]*. Leningrad.
- Dubois, L. 2000: Hippolytos and Lysippos: Remarks on Some Compounds in Ἴππο-, -ἵππος. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 41–52.
- Edwards, A.T. 2004: *Hesiod's Ascra*. Berkeley.
- Feeney, D. 2010: Fathers and Sons: The Manlii Torquati and Family Continuity in Catullus and Horace. In: C.S. Kraus, J. Marincola, C. Pelling (eds.), *Ancient Historiography and its Contexts: Studies in Honour of A.J. Woodman*. Oxford, 205–223.
- Finley, M.I. 1965: *The World of Odysseus*. New York.
- Fraser, P.M. 2000: Ethnics as Personal Names. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 149–157.
- Freidenberg, O.M. 1997: *Poetika syuzheta i zhanra [Poetics of the Plot and Genre]*. Moscow.
- Frolov, E.D. 1988: *Rozhdenie grecheckogo polisa [The Birth of the Greek Policy]*. Leningrad.
- Frolov, E.D. 2001: *Gretsiya v epokhu pozdney klassiki: Obshchestvo. Lichnost'. Vlast'. [Greece in the Era of the Late Classics: Society. Personality. Power]*. Saint-Petersburg.
- Gabelko, O.L. 2016: Antigonos “Monophtalmos”: Some Particulars in the Interpretation of the Nickname. *Anabasis: Studia classica et orientalia* 7, 71–78.
- Gehrke H.-J. 1978: Das Verhältnis von Politik und Philosophie im Wirken des Demetrios von Phaleron. *Chiron* 8, 149–193.
- Gindin, L.A., Tsymburskiy, V.L. 1996: *Gomer i istoriya Vostochnogo Sredizemnomor'ya [Homer and the History of the Eastern Mediterranean]*. Moscow.
- Goff, B. 2016: The Leopard-skin of Herakles: Traditional Wisdom and Untraditional Madness in a Ghanaian *Alcestis*. In: P. Kyriakou, A. Rengakos (eds.), *Wisdom and Folly in Euripides*. Berlin – Boston, 347–364.
- Gregory, J. 1977: Euripides' *Heracles*. In: T.F. Gould, C.J. Herington (eds.), *Greek Tragedy*. Cambridge, 259–275.
- Habicht, C. 1999: *Afiny: Istoriya goroda v ellinisticheskuyu epokhu*. Moscow.

- Hackstein, O. 2010: The Greek of Epic. In: E.J. Bakker (ed.), *A Companion to the Ancient Greek Language*. Oxford, 401–423.
- Hall, E. 2008: *The Return of Ulysses*. Baltimore.
- Hall, J.M. 2014: *A History of the Archaic Greek World ca. 1200–479 BCE*. 2nd ed. Oxford.
- Haubold, J. 2005: Heracles in the Hesiodic *Catalogue of Women*. In: R. Hunter (ed.), *The Hesiodic Catalogue of Women: Constructions and Reconstructions*. Cambridge, 85–98.
- Heydemann, H. 1866: *Iliupersis auf einer Trinkschale des Brygos: Erläutert und herausgegeben*. Berlin.
- Horrocks, G. 1997: Homer's Dialect. In: I. Morris, B. Powell (eds.), *A New Companion to Homer*. Leiden – New York – Köln, 193–217.
- Hubbard, T. 2007: Theognis' *Sphrêgis*: Aristocratic Speech and the Paradoxes of Writing. In: C. Cooper (ed.), *Politics of Orality*. Leiden – Boston, 193–215.
- Irwin, E. 2005: *Solon and Early Greek Poetry: The Politics of Exhortation*. Cambridge.
- Kaldellis, A. 2012: The Byzantine Role in the Making of the Corpus of Classical Greek Historiography: A Preliminary Investigation. *Journal of Hellenic Studies* 132, 71–85.
- Kanavou, N. 2011: *Aristophanes' Comedy of Names: A Study of Speaking Names in Aristophanes*. Berlin – New York.
- Karpyuk, S.G. 2003: *Obshchestvo, politika i ideologiya klasicheskikh Afin [Society, Politics and Ideology of Classical Athens]*. Moscow.
- Knoepfler, D. Oropodoros: Anthroponymy, Geography, History. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 81–98.
- Krummen, E. 2009: Alcman, Stesichorus and Ibycus. In: F. Budelmann (ed.), *The Cambridge Companion to Greek Lyric*. Cambridge, 189–203.
- Lamari, A. 2012: The Return of the Father: Euripides' *Antiope*, *Hypsipylae* and *Phoenissae*. In: A. Markantonatos, B. Zimmermann (eds.), *Crisis on Stage: Tragedy and Comedy in Late Fifth-Century Athens*. Berlin – Boston, 219–239.
- Lardinois, A.P.M.H. 2006: Have we Solon's Verses? In: J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds.), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden – Boston, 15–35.
- Legon, R.P. 1981: *Megara: The Political History of a Greek City-State to 336 B.C.* Ithaca.
- Lentano, M. 2015: *Parricidii sit actio*: Killing the Father in Roman Declamation. In: E. Amato, F. Citti, B. Huelsenbeck (eds.), *Law and Ethics in Greek and Roman Declamation*. Berlin, 133–153.
- Liddell, H.G., Scott, R., Jones, H.S., McKenzie, R. 1996: *A Greek-English Lexicon: With a Revised Supplement*. Oxford.
- Likofron 2011: Aleksandra (perevod s drevnegrecheskogo i kommentariy I.E. Surikova) [Alexandra (Translation from Ancient Greek and Comment by I.E. Surikov)]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 219–233; 2, 234–267.
- Malkin, I. 1998: *The Returns of Odysseus: Colonization and Ethnicity*. Berkeley.
- Mejer, 2007: J. Biography and Doxography. Four Crucial Questions Raised by Diogenes Laertius. In: M. Erler und S. Schorn (eds.), *Die griechische Biographie in hellenistischer Zeit*. Berlin – New York, 431–442.
- Molchanov, A.A. 2002: *Sotsial'nye struktury i obshchestvennyye otnosheniya v Gretsii II tysyacheletiya do n.e. (Problemy istochnikovedeniya minoistiki I mikenologii)*. [Social Structures and Social Relations in Greece of the 2nd Millennium BC. (Problems of Source Study of Minoistics and Mycology)]. Moscow.
- Montiglio, S. 2011: *From Villain to Hero: Odysseus in Ancient Thought*. Ann Arbor.
- Moretti, L. 1957: *Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni olimpici*. Roma.
- Nagy, G. 2002: *Grecheskaya mifologiya i poetica [Greek Mythology and Poetics]*. Moscow.
- Nagy, G. 2003: *Homeric Responses*. Austin.
- Nagy, G. 2010: *Homer the Preclassic*. Berkeley.

- Nagy, G., Noussia-Fantuzzi, M. 2015: Introduction. In: G. Nagy, M. Noussia-Fantuzzi (eds.), *Solon in the Making: The Early Reception in the Fifth and Fourth Centuries*. Berlin – Boston, 1–7.
- Nails, D. 2002: *The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics*. Indianapolis.
- Nilsson, M.P. 1932: *The Mycenaean Origin of Greek Mythology*. Berkeley.
- Nilsson, M.P. 1950: *The Mycenaean-Mycaean Religion and its Survival in Greek Religion*. Lund.
- Nilsson, M.P. 1955: *Geschichte der griechischen Religion*. Bd. 1. München.
- Noussia-Fantuzzi, M. 2010: *Solon the Athenian, the Poetic Fragments*. Leiden – Boston.
- Osborne, M.J., Byrne, S.G. 1994: *A Lexicon of Greek Personal Names*. In: P.M. Fraser and E. Matthews (ed.). Vol. 2. *Attica*. Oxford.
- O’Sullivan, L. 2001: Philochorus, Pollux and the *Nomophulakes* of Demetrius of Phalerum. *Journal of Hellenic Studies* 121, 51–62.
- Padgett J.M., 2014: The Serpent in the Garden: Herakles, Ladon, and the Hydra. In: A. Avramidou, D. Demetriou (eds.), *Approaching the Ancient Artifact: Representation, Narrative, and Function. A Festschrift in Honor of H.A. Shapiro*. Berlin – Boston, 43–51.
- Pal’zeva, L.A. 1999: *Iz istorii arkhaischeskoy Gretsii: Megary i megarskiye kolonii [From the History of Archaic Greece: Megars and Megarian Colonies]*. Saint-Petersburg.
- Papadopoulou, T. 2005: *Heracles and Euripidean Tragedy*. Cambridge.
- Pape, W. 1911: *Wörterbuch der griechischen Eigennamen. 3 Aufl., neu bearbeitet von G.E. Benseler*. Ht. 1 □ Braunschweig.
- Pelling, C. 2016: Herodotus, Polycrates – and Maybe Stesimbrotus Too? *Journal of Hellenic Studies* 136, 113–120.
- Riley, K. 2004: Heracles as Dr Strangelove and GI Joe: Male Heroism Deconstructed. In: E. Hall, F. Macintosh and A. Wrigley (eds.), *Dionysus since 69: Greek Tragedy at the Dawn of the Third Millennium*. Oxford, 113–141.
- Rohde, E. 1901: *Kleine Schriften*. Bd. 1. Tübingen – Leipzig.
- Roymans, N. 2009: Hercules and the Construction of a Batavian Identity in the Context of the Roman Empire. In: T. Derks, N. Roymans (eds.), *Ethnic Constructs in Antiquity: The Role of Power and Tradition*. Amsterdam, 219–238.
- Salowey, C.A. 2015: Sophokles’ *Philoktetes*: The Cult of Herakles Dramatized. In: K.F. Daly, L.A. Riccardi (eds.), *Cities Called Athens: Studies Honoring John McK. Camp II*. London, 369–387.
- Sauge, A. 2000: *“L’Iliade”, poème athénien de l’époque de Solon*. Bern.
- Sokolov, F.F. 1910: *Trudy [Works]*. Saint-Petersburg.
- Stafford, E. 2010: Herakles between Gods and Heroes. In: J.N. Bremmer, A. Erskine (eds.), *The Gods of Ancient Greece: Identities and Transformations*. Edinburgh, 228–244.
- Starr, Ch.G. 1962: *The Origins of Greek Civilization 1100–650 B.C.* London.
- Stehle, E. 2006: Solon’s Self-reflexive Political Persona and its Audience. In: J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds.), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden – Boston, 79–113.
- Strauss, B.S. 1993: *Fathers and Sons in Athens: Ideology and Society in the Era of the Peloponnesian War*. London.
- Surikov, I.E. 2009: Novye nablyudeniya v svyazi s onomastiko-prosopograficheskim materialom afinskikh ostrakonov [New Observations in Connection with the Onomastic-Prosopographical Material of Athenian Ostracodes]. *Voprosy epigraphiki [Questions of Epigraphy]* 3, 102–127.
- Surikov, I.E. 2011: *Ocherki ob istoriopisanii v klassicheskoy Gretsii [Essays on the Historiography in Classical Greece]*. Moscow.

- Surikov, I.E. 2015a: *Antichnaya Gretsya: politiki v kontekste epokhi. Na poroge novogo mira* [Ancient Greece: Politics in the Context of the Era. On the Threshold of a new World]. Moscow.
- Surikov, I.E. 2015b: *Antichnaya Gretsya: Mentalnost', religiya, kul'tura* [Ancient Greece: Mentality, Religion, Culture]. Moscow.
- Surikov, I.E. 2017: Prozvishcha u grekov arkhaischeskoy i klassicheskoy epoch. I. Predvartel'nye soobrazheniya obshcheteoreticheskogo kharaktera [Nicknames from the Greeks of the Archaic and Classical Eras. I. Preliminary Considerations of a General Theoretical Nature]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 1 (55), 19–34.
- Thomas, C.G., Conant, C. 1999: *Citadel to City-State: The Transformation of Greece, 1200–700 B.C.E.* Bloomington.
- Tosi, R. 2015: Typology of Lexicographical Works. In: F. Montanari, S. Matthaios, A. Rengakos (eds.), *Brill's Companion to Ancient Greek Scholarship*. Vol. 1. *History; Disciplinary Profiles*. Leiden – Boston, 622–636.
- Tsyburskiy, V.L. 1990a: Laomedont – epikleza Poseidona? (k raznochteniyam v st. 157 “Aleksandry” Likofrona) [Laomedon – the Epiclease of Poseidon? (to the Discrepancies in Article 157 “Alexandra” Lykofrona)]. In: A.A. Takho-Godi, I.M. Nakhov (red.), *Antichnost' v kontekste sovremennosti* [Antiquity in the Context of Modernity]. Moscow, 66–75.
- Tsyburskiy, V.L. 1990b: Aleksandr – Alaksandus – Elaxsantre (K diakhronnoy strukture mifa o Parise) [Alexander – Alaksandus – Elaxsantre (To the Diachronic Structure of the Myth of Paris)]. In: I.E. Danilova (ed.), *Obraz – smysl v antichnoy kul'ture* [The Image – Meaning in Ancient Culture]. Moscow, 223–249.
- Vidal-Naquet, P. 2001: *Chernyy okhotnik: Formy myshleniya i formy obshchestva v grecheskom mire* [Black Hunter: Forms of Thinking and the form of Society in the Greek World]. Moscow.
- Whitehead, D. 1993: 1–41, 42–69: A Tale of Two *Politeiai*. In: M. Piérart (ed.), *Aristote et Athènes*. Paris, 25–38.
- Wilson, N.G. 1996: *Scholars of Byzantium*. London.
- Wyles, R. 2013: R. Heracles' Costume from Euripides' *Heracles* to Pantomime Performance. In: G.W.M. Harrison, V. Liapis (eds.), *Performance in Greek and Roman Theatre*. Leiden – Boston, 181–198.
- Yaylenko, V.P. 1990: *Arkhaischskaya Gretsya i Blizhniy Vostok* [Archaic Greece and the Middle East]. Moscow.
- Zaytsev, A.I. 1990: Gerakl [Heracles]. In: E.M. Meletinskiy (ed.), *Mifologicheskii slovar'* [Mythological Dictionary]. Moscow, 147–149.

NICKNAMES AMONG GREEKS OF THE ARCHAIC AND CLASSICAL PERIODS: II. THE ORIGINS OF THE PHENOMENON

Igor E. Surikov

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Russia,
surikov@mail.ru

Abstract: It is specified in the article that the practice of nicknaming people in Ancient Greece has a very old tradition; it dates back, as is possible to judge, to the 2nd millennium BC, when the Hellenic mythology was being formed. We find nicknames to a number of Ancient Greek mythological heroes (among them – Heracles-Alcides, Priamus-Podarces, Astyanax-

---

Scamandrius, Cassandra-Alexandra). Beside constant nicknames we can see also situational ones (as Odysseus-Nobody in the cyclops' cave). Hero's patronymic could also serve as a nickname.

Further, nicknames of cultural figures in Ancient Greece are analyzed. It is known that even the name Homer was considered a nickname by many ancient writers. Some modern scholars (for example, G. Nagy) believe that the name Hesiod is a nickname. Such names as Stesichorus and Plato are manifestly nicknames. Besides, among philosophers the practice of nicknaming colleagues was, as a matter of fact, especially popular.

Key words: Greece, Archaic and Classical periods, nicknames, names, onomastic studies, mythology, heroes, culture actors, philosophers

---
